

Венгерское присутствие в Галиции в 1214—1219 годах

М.М. Волощук

// ВЛ. - 2005. - № 12 -
С. 97-106

Галицко-владимирские земли в конце XII — первой половине XIII вв. неоднократно вовлекались в конфликт между различными странами Центрально-Восточной Европы, в том числе — Венгерского королевства, польских и русских княжеств, кочевых образований Северного Причерноморья и Приазовья. Последним представителем и наследником местной династии Ростиславовичей был Владимир Ярославич (1187—1199 гг. с перерывами). Вместе с тем существовали и другие претенденты на галицкий престол — из соседних стран. Ситуация влекла за собой изменение международно-правового статуса региона. Так, например, в 1188—1189 гг. сын венгерского короля Бела III (1172—1196 гг.) Эндрэ считался наместником монарха в Галиции. Сам представитель династии Арпадов титуловался как rex Galitiae¹. Но присутствие венгров было недолгим, поскольку в 1189 г. они, в силу различных обстоятельств, покинули восточнославянские земли, и в качестве местного князя был восстановлен Владимир Ярославич.

Одним из первых после смерти последнего Ростиславовича воспользовался по-новому сложившейся ситуацией волынский князь Роман Мстиславович (1152—1205 гг.). В 1199 г., вопреки желанию местного нобилитета, он завладел Поднестровьем. Однако с его гибелью в июне 1205 г. Галицкое княжество снова начало активно включаться в сферы административно-политического, династического и религиозного влияния Венгерского королевства и Краковско-Сандомирского княжества. Неоднократно в качестве их прямых или косвенных вассалов на этих землях правили представители династии Ольговичей из Чернигова, Романовичей (Даниила и Василька) с матерью Анной, или венгерские баны. Такая структурная зависимость постепенно способствовала интеграции венгерских торговых институтов в систему экономических отношений Восточной Европы, одновременно активизируя в Галиции деятельность католических миссионеров. Это соответствовало государственным интересам не только Короны, но и верховных понтификов. Соответственно менялся и статус края, поскольку вхождение на различных условиях в состав Венгрии превращало Галицию в наместничество.

Проанализировав все просчеты прошлого (то есть событий 1188—1189 гг.), венгерский правитель Эндрэ II (1204/1205—1235 гг.) решил действовать с качественно иных позиций. Так, систематически протежировал и привлекал к

Волощук Мирослав Михайлович — ассистент кафедры всемирной истории Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника, Ивано-Франковск, Украина

себе на службу предводителем местного боярства, использовал их в своих целях. Именно так, после драматического 1213 года, на галицком престоле оказался один из лидеров местной общины — Владислав Кормильчич. Это событие вызвало волну недовольства среди русских князей. «...Данило ...оуиде с матерью своею в Ляхи оупросився оу короля»². Романова вдова понимала, что условия Саночского соглашения, заключенного с венгерским правителем летом 1205 г. на паритетных началах, сам Эндрэ II понимает по-своему, а потому рассчитывала в будущем получить более реальную поддержку от приближенных к краковско-сандомирскому правителю Лешеку Белому (1198—1227 гг. с перерывами) феодалов (Василько благодаря протекции последнего и при поддержке местного боярства продолжительное время уже княжил в Белзе и Каменце). Она осознавала и то, что польская знать может занять враждебную венграм позицию, так как за последние годы, не без влияния Короны, сама утратила собственные сферы военно-политического влияния в Галиции. Анна догадывалась, что Лешек, хотя и не был еще достаточно опытным монархом в силу своего малолетства, продолжает искать возможности вернуть себе отдельные галицкие земли.

Ее просьба не осталась без внимания польского властителя, который сразу же начал готовиться к военной кампании. Активно с ним сотрудничал и пересопницкий князь Мстислав Немой (в конце 1212 — начале 1213 гг. он занимал галицкий престол и был одним из легитимных претендентов на Поднестровье), который стремился теперь, за счет союза с Пястами, вернуть некоторые утраченные владения³. В качестве полуассалов Лешек к коалиционным силам присоединились также Александр Всеволодович, который княжил во Владимире-Волынском, и Всеволод Всеволодович из Белза. При благоприятном исходе событий они могли рассчитывать на определенные территориальные приобретения и известную покорность галицкой общины⁴. Впрочем польский историк Б. Владарский убедительно доказывал: «...главной целью похода (несмотря на внутривосточные недоразумения, которые имели место в польских землях. — М.В.) было устранение венгерской оккупации и утверждение в Галиче Даниила, под протекцией Лешек»⁵.

Однако, военная кампания весны 1214 г. не оправдала ожиданий союзников. Хотя краковско-сандомирский князь и одержал победу над «утрами и чехами» Владислава, который, «...собрався с Галичаны и приде на реку Бобръкоу», так и не сумел взять Галича, обороной которого руководили бояре Ярополк и Яволод. Осада города тоже не дала желательных результатов, а потому Лешек, опустошив окраины Теревовли и Моклекова, «и взя пленъ великъ и воротися в Ляхи»⁶.

Это событие вызвало недовольство Эндрэ II, который хотя и занимался разрешением внутривосточных недоразумений⁷, все таки «поиде на Лестька»⁸, поскольку, по словам закарпатского историка середины XX в. И. Гарайды, галицкое правление Владислава не перекрещивало планы Андрея (Эндрэ II. — М.В.)⁹ (он на протяжении 1214 г. дарил боярину дорогие вина¹⁰), король решил наказать краковско-сандомирского князя за вмешательство по существу в дела Короны. Тем не менее, Лешко, своевременно отправив в Венгрию своих дипломатов, сумел уберечь собственные земли от наступающих мадьяр. Он «...посла посла свое Лестьича и Пакослава воеводу рекши не лепо боярину княжити в Галичи, но поими дщерь мою за сына своего Коломана и посади и в Галичи»¹¹.

Эндрэ понравилась такое предложение. Считая галицкий вопрос одним из ключевых во внешней политике Венгрии, он к 1214 г. разочаровался в реальной возможности в дальнейшем использовать собственные методы управления этим краем (через венгерских банов, местных бояр или русских князей; путем использования прав Анны и ее сыновей и т. п.). А поэтому король решил восстановить сотрудничество с поляками, которое имело место в конце XII века. Таким образом, Лешек и Эндрэ, предварительного договорившись, встретились осенью 1214 г. в венгерском г. Спиш (что выглядело в

своему характеру событий, Беда III и Казимир Справедливый (1177—1194 г. с перерывами) договорились о мире именно здесь¹²), где в присутствии и с участием галицких бояр обсудили условия будущего союза. Кроме того, что обе стороны должны были четко размежевать на галицко-волыньских территориях сферы собственной реальной власти, властители договорились и о том, что гарантом выполнения и соблюдения соглашения будет брак сына венгерского правителя — 4-летнего Кальмана и 3-летней дочурки краковско-сандомирского князя Соломии¹³.

После заключения договора Эндрэ II «...послав и я Володислава в Галичи заточи и в томъ заточеньи оумре». Параллельно было согласовано и территориальное деление земель Галиции, согласно которому «...король посади сна своего в Галичи а Лестькови да Перемышль, а Пакославу Любачевъ»¹⁴ (очевидно за инициирование и организацию Спишского соглашения).

Договор между венгерским королем и польским князем, заключенный осенью 1214 г., следует оценивать с учетом ряда существенных обстоятельств международного характера. Эндрэ II, готовясь к очередному крестовому походу (1217—1221 гг.), рассчитывал в лице своего бывшего союзника Лешек найти некоторую поддержку в решении галицкого вопроса. Контроль над галицкими и волыньскими землями теперь должен был осуществляться на качественно новых условиях: польско-венгерское сотрудничество рассматривалось более перспективным по сравнению с правлением здесь же подвластных королю бояр, или банов.

Конечно, для краковско-сандомирского князя возможность вернуть себе некоторые земли в данном регионе выглядела довольно привлекательной. При внутривосточной нестабильности это могло некоторым образом поднимать авторитет правящей династии Пястов. В отличие от большинства советских и современных украинских исследователей, мы склонны считать, что ни Эндрэ II, ни Лешек не стремились «грабить» Галицию. Оба инициатора Спишского соглашения были типичными представителями европейской феодальной верхушки, а потому намеревались по возможности лучше использовать человеческие и природные ресурсы этого региона с тем, чтобы поднять экономику в доменальных владениях. Разумеется венгерский король прислушивался и к мнению папства, которое, по мнению М. Чубатого¹⁵, как правило, оказывало поддержку метрополии лишь в случае неприменения ею силы к данной колонии. Что же касается международно-правового статуса то оно претерпело последовательное и логическое изменение в связи с очередным включением региона в состав владений Арпадов. Поскольку в Поднестровье была восстановлена власть Эндрэ II и ее фактически представляли приближенные к Кальману бароны, а также автохтонная знать (бояре), то, очевидно, можно говорить о существовании Галицкого наместничества.

Укрепление позиций Венгрии в восточнославянских землях способствовало улучшению экономических отношений между обоими регионами, о чем свидетельствует целый ряд документов. Так, с 1214 г. русские купцы значительно активнее посещали ярмарки в автохтонных владениях Арпадов. Получив от короля ряд привилегий, они создали здесь несколько своих поселений. Такая конкуренция не всегда нравилась местному купечеству, которое неоднократно судилось с выходцами из Руси, так и не выиграв ни одного процесса¹⁶.

Однако Эндрэ II стремился укрепить собственное влияние и реальную власть в Поднестровье. Религиозно-политическая и династическая сторона этой проблемы была очень актуальной, поскольку необходимо было засвидетельствовать на международном уровне характер присоединения Галиции. Король старался окончательно убедить своих соседей (к ним, прежде всего, относились русские правители и в особенности киевский митрополит, краковско-сандомирский князь, а также константинопольский патриарх, под протекцией которого находился Галицкий и Перемышльский епископаты) в

том, что большинство галичских земель принадлежат ему. Именно по этим причинам венгерский властитель решил заручиться поддержкой папы Иннокентия III (1198—1216 гг.), стремясь получить от него разрешение на коронацию своего сына¹⁷.

Так, уже осенью 1214 г., подчеркивая, что местное население разделяет его взгляды (*populus postulabant*¹⁸), он направил к понтифику письмо, в котором и изложил свою просьбу. Параллельно король предлагал провести в Галиции соответствующую религиозную реформу, важным условием которой должно быть сохранение греческого обряда¹⁹. Некоторые исследователи считали, что венгерский властитель на самом деле стремился латинизировать местные епископаты (как это имело место в 1207 г.), однако, по мнению М. Чубатого и венгерского историка Д. Кришто, при чрезвычайной набожности Эндрэ «...трудно допустить, чтобы он вводил в блуд папу в таком важном деле» (несмотря на то, что на практике уния от окцидентализации тогда фактически не отличалась). Не исключено, что король получил согласие местных бояр (*populus et principes*) и представителей высшего духовенства только при условии учета этой важной детали. По данному поводу Чубатый писал, что Иннокентий хотя и одобрил данное предложение, однако ни одного уполномоченного легата в юго-западные регионы Руси не отправлял. Он видел в этом «много трудностей», связанных с военной оккупацией региона²⁰.

Однако, это не убедило короля отказаться от унии и последующего изменения статуса Галиции. Готовясь к крестовому походу, он не имел возможности лично возглавить подготовку к религиозной реформе, а потому поручил это главе местной галичской администрации, второй личности в стране — бану Бенедикту Бору. По мнению Чубатого, именно с деятельностью последнего следует связывать события, которые описывает ряд русских летописей: «...епископы и попы изгна из церкви, а свое попы приведет Латинские на службу», обвиняя в этом непосредственно Эндрэ II²¹.

Такая политика отчуждала местное население от католической пропаганды венгров; однако, реформу и коронацию Кальмана надлежало провести очень быстро. По сравнению с конкурирующим Краковско-Сандомирским княжеством, это существенно улучшало права Короны на Галич. В начале XIII в. практика получения королевской короны от папы была типичной. Ее предлагали болгарским, сербским монархам и, возможно — даже Роману Мстиславичу. Фактически Иннокентий III, как самый могущественный папа средневековья, мог лично изменить статус того или иного региона, короновав через своих легатов местных правителей.

Сами Арпады, будучи убежденными, что Галиция окончательно и бесповоротно перешла под их протекторат, в своей политике допустили, все-таки важную ошибку. Они сами не приняли участия в урегулировании большинства общественно-политических и религиозных вопросов в регионе, вообще не препятствовали действиям Бенедикта. Возможно, к этому его подтолкнул ответ папы, который разрешил провести помазание и коронацию Кальмана. Не располагая временем для стабилизации положения, король при участии целого ряда венгерских и польских епископов (Остригомский, Краковский и Грана) где-то в конце 1214 или в начале 1215 года оказал поддержку проведению долгожданного обряда, однако с использованием не короны, а диадемы («...на королевство Галичское помазали и короновали»; «...коронован и королем Галиции, или галичским назван есть...»). Одновременно был заключен и брак между сыном Эндрэ II и дочерью Лешака²².

Коронация Кальмана опять изменила международно-правовой статус региона. Трудно установить, как правильно должна была называться данная территория, поскольку отсутствуют конкретные документальные свидетельства. Кальман в русских источниках XIII в. выступает как представитель «княжения галичского», а в иностранных — как «галичский король»²³. По нашему мнению, подвластные венграм восточнославянские территории остались наместничеством с наделением местной администрации особыми полномочиями, отличными от тех, которыми пользовалась знать в центрально-евро-

пейских владениях Короны. Установить различие трудно, так как сохранившиеся хроники, дипломы, остальной актовый материал недостаточно полно отражают данный вопрос. Говорить о том, что помазание Кальмана означало возникновение независимого от владений Эндрэ королевства, также не приходится, поскольку король в последующие годы активно участвовал в политической жизни Поднестровья, являясь фактически сюзереном этих владений.

Статус Кальмана можно определить не более чем *rex Minoris* (хотя в исторических источниках таковым был только Бела — будущий король Бела IV²⁴), то есть младший король, который после смерти своего отца, вероятно, мог бы утвердить в Галиции свою собственную династию, или стать главным престолонаследником. Тем не менее в результате коронации юного Кальмана международный авторитет Венгрии существенно окреп. Кроме того, что она легализировала свое десятилетнее «присутствие» на территории Галиции не только военно-политическим и дипломатическим путем, но и соответствующими династическо-религиозными изменениями, Арпады сумели получить поддержку со стороны папства, Краковско-Сандомирского княжества и ряда других государств региона. Однако короля смущало то, что Лешек продолжал поддерживать Романовичей, которые перестали представлять какой-либо политико-династический интерес для венгров. Не исключено, что именно это заставило Эндрэ II разорвать Спишское соглашение. Сперва он в начале 1215 г. «...отнял... Перемышль и Любачевь» у Лешака, а со временем отказал новгородскому князю Мстиславу Мстиславовичу Удалому (1219—1227 гг. — галичский князь с перерывами), который прибыл «...просити себе Галича», имея на то все династические предпосылки²⁵. Объяснить мотивацию поведения Мстислава, который хотел заполучить столицу, не просто. Не исключено, что он рассчитывал править Галицией под протекцией венгерского короля или верхушки нобилитета. Это вполне могло устраивать князя, давая ему возможность частично контролировать некоторые экономические ресурсы страны, в частности — соляные копи, приносящие существенный доход местному нобилитету.

После коронации Кальмана предложение новгородского князя представлялось королю более чем бессмысленным. Он не уделил ему должного внимания, продолжая поддерживать более тесные отношения с Иннокентием III и считая пропагандский вектор внешней политики, в контексте подготовки к крестовому походу, самым важным для государства. Интересно, что и понтифик начал активнее заниматься галичскими делами. В частности, в первой половине 1215 г. он отправил в Галич своего легата. Тот должен был передать Эндрэ для Кальмана королевскую корону²⁶, а также пригласить местных епископов на IV Латеранский собор, назначенный на 1 ноября 1215 года.

Однако несмотря на поддержку папства, некоторую пассивность Лешака и русских князей, относительная внутриполитическая стабильность Венгрии в середине 1215 г. заметно пошатнулась. Свои претензии к королю высказывали приближенные к старшему брату Кальмана Беле венгерские нобили²⁷, к тому же в Галиции началось восстание.

Особая динамика и насилие, имевшие место во время окцидентализации региона, отсутствие таланта руководителя у королевича, а также озабоченность венгерской администрации исключительно своими интересами вызвали волну недовольства у местного населения. В особенности активными, по мнению М. Кордубы, были представители низших слоев феодального сообщества. В польских источниках XV в. есть прозрачные указания на то, что «...Коломан стал нежелательным... и вражеским» для галичан, которые «...власти этой не полюбив (за веру свою. — М.В.) упрямо стояли». По мнению польского историка А. Нарушевича, не одобряло местное население и поведение благосклонных к венграм бояр²⁸. С этой точкой зрения нельзя не согласиться, тем более, что она подтверждается многими исследованиями как на Украине, так и в соседних славянских странах, а также в Венгрии.

Местная власть была не готова к такому развитию событий, так как большую часть войска бан Бенедикт отправил в Венгрию (не исключено, что для участия в крестовом походе), оставшись в галичском замке с немногочисленным отрядом. Это дало возможность отдельным представителям местной знати, которые не принимали иностранного присутствия, отстаивая свои собственные интересы, собрать войско и осадить столицу. Возможно, что такие серьезные обстоятельства заставили Эндрэ сосредоточиться теперь на решении галичского вопроса. По словам венгерского историка И. Фесслера, король не имел реальных средств на то, чтобы собрать войско, поскольку затраты на крестовый поход превзошли все допустимые нормы, а потому воспользовался деньгами, одолженными (как правило у местных иудеев и мусульман) ²⁸.

Параллельно он старался получить необходимую идеологическую поддержку со стороны Иннокентия III. Летом 1215 г. он написал ему письмо, в котором отмечал, что «народ Галиции, отказавшись от своего короля, осадил галичский замок, в котором находился наш сын с немногочисленным отрядом», одновременно обращаясь с просьбой к папе убедить Лешека помочь уграм, «чтобы держать... (галичан — М.В.) в верности своему королю и в покорности и присяге римской церкви». Эндрэ указывал и на то, что подготовка к африканской кампании все-таки задержится, так как он вынужден лично отправиться на подавление восстания в Галиции ²⁹.

Однако вопреки этой просьбе, папа не стал вмешиваться в сугубо, как он полагал, политические недоразумения у венгерского и краковско-сандомирского монархов ³¹. Эндрэ II пришлось решать государственные проблемы своими собственными силами. Венгерскому королю это удалось сделать довольно быстро, хотя на Вселенский собор, несмотря на свое обещание, галичского и перемишльского епископов он так и не отправил ³². Не исключено, впрочем, что они и сами могли этого не хотеть.

Несмотря на препятствия, униатская политика венгерской администрации на территории Галиции все так продолжалась и в последующие годы. Из-за отсутствия прямых документальных свидетельств трудно выяснить пути и методы ее реализации. Мы склонны считать, что единственным косвенным подтверждением этих предположений является тот факт, что на IV Латеранском соборе в ноябре 1215 г. эти вопросы обсуждались. М. Чубатый, основываясь на соответствующих документах, отмечал, что во время дискуссий епископы приняли решение о переходе восточных территорий с двуязычным населением и своим обрядом под протекторат католического владыки. Последний при желании мог подготовить из местных жителей викария, который бы помогал ему во время богослужения, но все равно был бы слугой именно католической епархии. В целом, *de facto* это означало, что католическое население восточных регионов должно было подчиниться исключительно латинскому епископу ³³.

Восстановление королевской власти в Галиции в конце 1215 — начале 1216 гг. не устраивало краковско-сандомирского князя Лешека. Хотя он способствовал разделению Поднестровья и Волыни на протяжении последних десяти лет, принимал участие в коронации Кальмана (со стороны Краковско-Сандомирского княжества обряд возглавлял епископ Винцентий Кадлубек) и в его бракосочетании с Соломией, после утраты Перемишля и Любачева он решил стать единоличным лидером в регионе. С этой целью «посла к Новоугородоу по Мстислава и реки брать ми еси поиде и сяде в Галиче». Тот, чувствуя, что новгородская знать его не склонна больше терпеть, решил согласиться. По мнению И. Шараневича и В. Бузескула, Удалой был «распорядителем Руси, всеобщим посредником и примирителем», что позволяло ему вступить на территорию Галиции не только в качестве союзника Лешека, но и в роли освободителя. Эту точку зрения можно было бы принять, если бы у Мстислава не было более серьезных (в частности династических) намерений овладеть Галичем. Исследования украинского историка Л. Войтовича, а также польского Д. Домбровского подтверждают, что новгородский князь,

будучи сыном князя Мстислава Храброго и дочери Ярослава Осмомысла (последнего представителя династии Ростиславичей), имел легитимное право стать галичским правителем ³⁴.

Объединившись в конце 1218 г. с дружиной киевского властителя Владимира Рюриковича и войсками некоторых других князей (не указанных ни в летописях, ни в западноевропейских хрониках или актах), он, по мнению Я. Длугоша, склонил на свою сторону половцев, после чего в начале 1219 г. направился к Галичу ³⁵. По данным использованных нами источников трудно определить точное число воинов в войске союзников. Учитывая, что Удалой получил поддержку некоторых представителей правящих династий восточнославянских княжеств, его войско могло насчитывать не более полутора-двух тысяч хорошо вооруженных человек.

Некоторые исследователи склонны считать, что Мстислав имел поддержку и среди местного нобилитета ³⁶. Без этого он не мог рассчитывать на успех. Таким образом внешняя и внутренняя поддержка помогла кампании новгородского князя. Нападение последнего не прошло незамеченным среди провенгерской группы бояр. В частности, Судислав Бернатович решил обратиться за помощью к Даниилу, учитывая, очевидно, не совсем достаточные полномочия Мстислава на то, чтобы отвести возможную угрозу. Однако, Романович, хотя и был с 1217 г. зятем Мстислава Удалого и таким образом косвенно также являлся претендентом на галичский престол, отказался участвовать в войне за Поднестровье ³⁷. Отказ волынского правителя существенно ухудшил шансы иностранцев и в дальнейшем держать регион под своим контролем.

Во время похода войска союзников, как писал Я. Длугош, оставляли за собой сплошную пустыню, уничтожая и сжигая все на своем пути. «Разделив территорию Галиции на четыре части» ³⁸, объединенные дружины окружили столицу региона, вступив в бой с местным гарнизоном («выидоша Галичане противу и Чехове, и Ляхове, и Марава, и Угры, и ступишася полци и пособи богу князю большому Мстиславу, и в огород Галич въеха» ³⁹). Учитывая, что венгры не имели достаточно времени, чтобы подготовить сопротивление, можно предположить, что летописец, указывая на участие в обороне Галича чехов и поляков, имел в виду наемное войско, или охрану иностранных купцов. Во всяком случае, за такой короткий срок невозможно было бы получить поддержку из соседнего Краковско-Сандомирского княжества, а тем более — из Чешского королевства.

Новгородский князь одержал достаточно быструю победу (в источниках не говорится о длительной обороне города), заставив Кальмана, по словам Я. Длугоша, вместе со своей свитой и некоторыми воинами укрыться в галичском замке. Факт его пребывания там был установлен польскими археологами ⁴⁰. Спротивляться превосходящим по численности войскам Мстислава они не могли («Мстислав окружил Коломана») ⁴¹, а потому спустя некоторое время были пленены ⁴². Местное население ралушно встретило Мстислава, обеспечив его успех своей активной поддержкой.

Самого Эндрэ II с 1217 г. в Венгрии не было (он находился в Северной Африке, участвуя в осаде крепости Дамьетта). Это явилось одной из причин того, что надлежащей обороны региона не было, Представитель правящей династии основные силы держал при себе, а это ослабило оборону Поднестровья. Король узнал о потере Галича, возвратившись из крестового похода, после чего, по словам венгерского исследователя Г. Хорвата, продолжительное время пребывал «в большом горе» (*in grossten Verwirrung*) ⁴³. Он долгое время считал Галич ключевым административным пунктом своих владений, а жал считать Галич ключевым административным пунктом своих владений, а жал потому сразу же решил наладить отношения с Мстиславом Удалым, требуя освобождения своего сына ⁴⁴. После удачных переговоров, как утверждают венгерские историки, вместе с Кальманом в Венгрию переселилось большое количество галичан ⁴⁵, которых устраивала венгерская власть. Венгерские ученые Ш. Марки и Д. Кришто считали, что это была одна из наиболее значительных миграций за всю историю венгеро-русских средневековых контактов ⁴⁶.

Восстановление в Галицкой земле княжеской власти Мстислава Удалого ознаменовало частичную и недолговременную потерю Арпадами инициативы в попытках укрепить свою власть в восточнославянских регионах. Фактически Галицкое княжество еще раз возродилось во всеми феодальными институтами власти, характерными для Поднестровья.

Установление венгерской королевской власти на территории Галиции в 1214—1219 годах стало логическим завершением военно-политических событий, дипломатических переговоров и религиозно-идеологических соперничества, которые имели здесь место еще в конце XII в., а в особенности после 1205 года. Эндрэ II добился этого, используя возможности того международного положения, в котором оказались страны Центрально-Восточной Европы в это время. Хорошо используя поддержку папской курии, краковско-сандомирского князя и некоторых представителей галицкой знати. Король сумел посадить на галицкий престол своего сына Калмана. Так в первый раз существенно изменился международно-правовой статус Поднестровья, превратив его в одно из нескольких венгерских наместничеств, имевшим очевидно очень сходные формы правления и подчинения центральной власти.

Коронация малолетнего престолонаследника в 1215 г. легитимизировала здесь не только административно-политическую ветвь власти венгров, но и их династические приоритеты. Это было второе изменение статуса региона на протяжении указанного короткого времени. Галиция стала уникальной территорией не только в Центрально-Восточной Европе, но и на всем континенте. Будучи частью Венгерского королевства, она получила «собственного» короля, который должен был подчиняться своему отцу. Однако, не учитывая допущенные ранее ошибки, переоценив собственные возможности и в особенности проигнорировав права и привилегии боярства, Эндрэ не смог закрепить за собою Галицию на длительное время. Постоянные волнения местного населения, энергичные антивенгерские выступления поляков и ряда русских князей, в конечном счете заставили короля на некоторое время покинуть эту землю.

Примечания

1. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Budae. 1829. T. 2, v. 1, s. 247.
2. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М. 1962. Т. 2, стб. 729; БУЗЕСКУЛ В. Князь Торопецкий Мстислав Мстиславич. — Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). СПб. 1869. Ч. 3, с. 193.
3. Ипатьевская летопись, стб. 729.
4. МАЙОРОВ В.А. Галицко-Волынская Русь. СПб. 2001. с. 416-418.
5. WŁODARSKI В. Polska i Rus. Warszawa 1966, s. 54; *журнал Polityka Polska Leszka Wlolega. Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Dzial II. T. 3. Zeszyt 3. 1925, s. 51.*
6. Ипатьевская летопись, стб. 729.
7. KALTI M. Képes kronika. Bp. 1959, o. 188; ЗУБРИЦКИЙ Д. История древнего Галицко-Русского княжества. В 2 ч. Львов. 1852. Ч. 2, с. 54.
8. Ипатьевская летопись, стб. 729.
9. ГАРАЙДА И. Галицкая политика угорских королей Бейлы III-го и Андрия II-го. — Зоря. 1943, № 1—4, с. 146.
10. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 3, v. 1, s. 257.
11. Ипатьевская летопись, стб. 729.
12. Kronika Polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego. W 3 t. S6nok. 1857. T. 1, s. 345.
13. Vita sanctae Salomae reginae Haliciensis. — Monumenta Poloniae Historica. Warszawa. 1961. T. 4, s. 776—777; ГАРАЙДА И. Уж. соч., с. 147; ЗУБРИЦКИЙ Д. Уж. соч., с. 58; КОЛОМІЄЦЬ І.Г. Борьба південно-західних руських князівств проти експансії угорських феодалів XI—XIII ст. ст. — Наукові записки УжДУ: історично-філологічна серія. Ужгород. 1949. Т. 2, с. 13; ПАШУТО В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968. с. 243; MARKI S. Az oroszok hazánk történetében. Nagyvárad. 1877, o. 15; MOLNAR E. Magyar történel a XIII-XIV században. Budapest. 1950, o. 19. Это лишний раз подтверждает, что в Галиче родное население и представители знати привлекли к частым посещениям венгерских войск, а потому и в данном случае, Владимир, не знав толком о причинах их прихода, не сумел организовать практически никакого сопротивления или хотя бы избежать плена.

14. Ипатьевская летопись, стб. 731; ГАРАЙДА И. Уж. соч., с. 147; ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Історія України-Руси. В 10 т. 11 кн. Київ. 1992. Т. 3, с. 30; ПЕТРУШЕВИЧ А. Обзор важнейших политических и церковных происшествий в Галицком княжестве с половины XII — до конца XIII века. — Галицкий исторический сборник. Львов. 1854. Вып. 2, с. 19; WŁODARSKI В. Salomea Krolowa halicka. Krakow. 1957, s. 6.
15. ЧУБАТИЙ М. Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії. — Записки НТШ. Львів. 1917. Т. 123/124, с. 18.
16. Codex diplomaticus Hungariae. T. 3, v. 1, s. 151; t. 5, v. 7, s. 207; СПИЦЫН А.А. Торговые пути Киевской Руси. Сборник, посвященный С.Ф. Платонову. СПб. 1911, с. 7; КРИШТО Д. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов. — Славяноведение. 2001, № 2, с. 23—24; МИЦЮК О. Нариси з соціально-господарської історії подкарпатської Русі. В 2 т. Ужгород. 1936. Т. 1, с. 60.
17. СВИДЕРСЬКИЙ Ю.Ю. Борьба Південно-Західної Русі проти католицької експансії в X—XIII ст. К. 1983, с. 84; ЧУБАТИЙ М. Історія християнства на Русі-Україні, (до р. 1353). Рим. — Н.у. 1965, с. 57; его же. Західна Україна і Рим, с. 16; WINTER E. Russland und das Papsttum. В. 1960. V. 1, s. 84.
18. Historia Regum Hungariae cum notis praevius. Budae. 1801, s. 203; Kronika Polska. T. 1, s. 376; Vetera Monumenta Historia Hungariae sacrae Illustrantia. Romae. 1859. T. 1, s. 1.
19. Arpad-kori es Anjou-kori levelek XI—XIV század. Bp. 1960, o. 126—127; Codex diplomaticus Hungariae. T. 3, v. 1, s. 163; Szent Istvántól Mochacsig a közepkori Magyarországig. Szeged. 1994, o. 89—90; Vetera Monumenta Historia Hungariae, s. 1—2.
20. Історія християнської Церкви на Україні. К. 1991, с. 22; МУРКОВСКИЙ К. Даниил Романович Галицкий в сношении с Римом. К. 1898, с. 2—3; ПАШУТО В.Т. О политике папской курии на Руси (XIII век). — Вопросы истории. 1949, № 3, с. 59; РАММ Б.Я. Падство и Русь в XI—XIII веках. М.-Л. 1959, с. 138; ЧУБАТИЙ М. Західна Україна і Рим, с. 17; *журнал Історія, с. 579—581; KRISTÓ Gy. Magyarország története 895—1301. Bp. 1998, o. 201; Vetera Monumenta Historia Hungariae, s. 1.*
21. СОФОНОВИЧ Ф. Хроніка з літописів стародавніх. К. 1992, с. 131; Борьба Південно-Західної Русі і України, с. 18; Московский летописный свод конца XV века. — ПСРЛ. М.-Л. 1949. Т. 25, с. 110; Постниковский, Пискаревский, Московский и Белский летописцы. — ПСРЛ. М. 1978. Т. 34, с. 82.
22. Борьба Південно-Західної Русі і України, с. 19; ЧУБАТИЙ М. Західна Україна і Рим, с. 19; A magyar nemzet története. Bp. 1896. K. 2, o. 381; DLUGOSSII Joannes. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae in 10 libros. Warszawa. 1973. Lib. 5/6, s. 204; Kronika Polska Marcina Kromera, s. 376—377.
23. Ипатьевская летопись, стб. 729; DLUGOSSII Joannes. Op. cit., s. 234.
24. Ипатьевская летопись, стб. 760—761.
25. Там же, стб. 731. Мстислав, будучи дальним родствеником Арпадов, двоюродным братом Лешке II, что самое главное, — наследником «до королевлю» последних представителей династии Ростиславовичей галицких (см.: ВОЙТОВИЧ Л. Друга галицька династія. Загадки і стій проблеми досліджень. — Пам'ять століть. 2002, № 5, с. 35—49; его же. Князьські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суцільність і політична роль). Львів. 2000), перестав пользоваться у новгородских бояр соответствующим авторитетом, а потому не без участия краковско-сандомирского князя (как считает Д. Кришто) сделал попытку заполучить у Эндрэ II Галич. См. также: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). — ПСРЛ. М.-Л. 1963. Т. 28, с. 46; Московский летописный свод конца XV века, с. 110.
26. ЧУБАТИЙ М. Західна Україна і Рим, с. 19.
27. Historia Regum Hungariae, s. 203—204; HORVATH M. Geschichte der Ungarn. Pest. 1851. T. 1, s. 114.
28. Vita sanctae Salomae, s. 777; FESSLER I.A. Geschichte von Ungarn. Leipzig. 1867. T. 1, s. 310; КОРДУБА М. Суцільні верстви та політичні партії в Галицькому князівстві до половини XIII століття. — Записки НТШ. Львів. 1899. Т. 31/32, с. 31; DLUGOSSII Joannes. Op. cit., s. 205; Kronika Polska Marcina Kromera, s. 377—378; NARUSZEWICZ A. Historia narodu polskiego. W 10 t. Lipsk. 1836. T. 6, s. 207.
29. DLUGOSSII Joannes. Op. cit., s. 205; МАЙОРОВ А.В. Уж. соч., с. 441; Борьба Південно-Західної Русі і України, с. 19; FESSLER I. A. Op. cit., s. 310.
30. Борьба Південно-Західної Русі і України, с. 19; Arpad-kori es Anjou-kori levelek, o. 127.
31. ЧУБАТИЙ М. Західна Україна і Рим, с. 22.
32. ГАРАЙДА И. Уж. соч., с. 153; WŁODARSKI В. Polska i Rus, s. 62.
33. ЧУБАТИЙ М. Західна Україна і Рим, с. 24.
34. Kronika Polska Marcina Kromera, s. 379; Ипатьевская летопись, стб. 731; ШАРАНЕВИЧ І. Історія Галицко-Володимирської Русі оть найдавніших часів до року 1453. Львів. 1863, с. 115; БУЗЕСКУЛ В. Уж. соч., с. 194; см. также: ВОЙТОВИЧ Л. Князьські династії

- Східної Європи; DĄBROWSKI D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. — Biblioteka Genealogiczna. Poznań-Wrocław. 2002. T. 6, s. 348.
35. Вологодско-Пермская летопись. — ПСРЛ. М.-Л. Т. 26, с. 66; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — ПСРЛ. М. 2000. Т. 9, с. 85; Тверская летопись, с. 329; Холмогорская летопись. Двинской летописец. — ПСРЛ. Л. 1977. Т. 33, с. 61; Kronika Polska Marcina Kromera, s. 378; DLUGOSSII Joannes. Op. cit., s. 205.
36. КОТЛЯР М.Ф. Галицько-Волинське князівство (до 800-річчя утворення). — Український Історичний журнал. 2000, № 4, с. 74; СОФРОНЕНКО К.А. Общественно-политический строй Галицко-Волинской земли XI—XIII вв. М. 1985, с. 102—103; ТОМАШІВСЬКИЙ С. Історія України: старинні і середні віки. Мюнхен. 1948, с. 87; ЮРІЙ М.Т. Етногенез та менталітет українського народу. К. 1997, с. 57; MOLNÁR E. Magyar történet a XII—XIII században. Bp. 1950, o. 19.
37. Ипатьевская летопись, стб. 731.
38. DLUGOSSII Joannes. Op. cit., s. 205.
39. Вологодско-Пермская летопись, с. 66; Летописный свод 1497 г., с. 206; Московский летописный свод конца XV века, с. 116; Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. — ПСРЛ. М.-Л. 1962. Т. 27, с. 41; Холмогорская летопись, с. 61.
40. DLUGOSSII Joannes. Op. cit., s. 205; CZOŁOWSKI A. O położeniu starego Halicza. Lwow. 1890, s. 21.
41. Kronika Polska Marcina Kromera, s. 379.
42. Historia Regum Hungariae, s. 210; Вологодско-Пермская летопись, с. 66; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, с. 85; Московский летописный свод конца XV века, с. 116; Никаноровская летопись, с. 41; СОФОНОВИЧ Ф. Ук. соч., с. 131; Тверская летопись, с. 329; Холмогорская летопись, с. 61; WERTHNER M. Az Árpádok családi története. Nagybecskerekén. 1892, o. 540.
43. HORVÁTH M. Geschichte der Ungarn, s. 115.
44. Вологодско-Пермская летопись, с. 66; Никаноровская летопись, с. 41; Холмогорская летопись, с. 61; KRISTÓ Gy., MÁKK F. Az Árpád-házi uralkodók. Bp. 1988, o. 249.
45. HODINKA A. Az oroszok évkönyvek magyar vonatkozásai. Bp. 1916, o. 335; МИШЮК О. Ук. соч., с. 60; MARKI S. Az oroszok hazánk történetében, o. 16.
46. MARKI S. Ibidem; KRISTÓ Gy. Oroszok az Árpád-kori Magyarországon. — Acta Historica Szegediensis. Ejusd. 1980, o. 62.